Виктория МОЖАЕВА

Живём на краешке войны...

* * *
Вот и стало понятно,
что важнее всего
Перед дальней дорогой,
перед ликом огня…
Вышли Каин и Авель из гнезда одного
Принести Богу жертву
до скончания дня.
Жертва Каина тлела, покрываясь золой,
А другая сияла,
как под солнцем роса.
Каин чёрную душу
схоронил под полой,
Авель чистую душу распахнул в небеса.
Позавидовал Каин и нахмурил чело,
Первой кровью невинной
осквернилась земля.
И свершилось на свете небывалое зло,
Всё на «до» и на «после»
той минуты деля.

…Чёрно-красные флаги
небо застили вновь,
И кричат галичане: «Москалей на ножи!».
Чёрный – Каина совесть,
красный – Авеля кровь.
Как же это случилось? Украина, скажи!..
…Вот и стало понятно, что дороже всего:
Плачет проклятый Каин,
смерть свою сторожит.
«Каин, Каин, где брат твой?».
Только нету его.
Под Донецком, Славянском,
под Луганском лежит.

* * *
Рвутся связи, рвутся связи –
Словно рвутся повода.
Словно кони с коновязи,
В одиночку – кто куда.
Накатило время ино,
Натянулось, как струна.
Там, за речкой, Украина –
Зарубежная страна.
На мосту стоит опричник,
И не скажешь просто – «мент».
Украинский пограничник.
«Предъявите документ!» –
Будет спрашивать для весу –
Не минуту и не две.
Я скажу: «Иди ты к бесу!
Видишь: бомба в рукаве?».
Да не скажешь – время ино.
И не «сокіл» – крыльев нет.
Загуляла Украина –
Так, что шуму на весь свет.
Загуляла с кем попало,
Забродила злая муть…
Ночка тёмная упала,
Над таможней – Млечный путь…
Мчатся кони… «Гей, Маричка!
Разлетайтесь, пыль и хлам!».
Только кровь мою, сестричка,
Как поделим пополам?

* * *
Предавали Родину и веру,
Оставляли мёртвых по полям,
Украина славила Бандеру,
И желала смерти москалям,
И в пыли растерзанного праха,
И под хламом взорванных мостов,
Холодела Родина от страха
У поклонных каменных крестов.
И опять по небу птицы, птицы
Торопились в лучшие края,
Словно пепла серые частицы
От врагом сожжённого жилья,
И подняв коричневые веки,
Выползали Вии из земли…
И тоска… как будто бы навеки
Покидают землю журавли.

* * *
А ведь ты была едина!
Не переиначишь…
Где твой траур, Украина?
Что же ты не плачешь?
Что ж ты чёрным покрывалом
Не закроешь очи?
Видишь: люди по подвалам,
Спутав дни и ночи?
Продалась ты и пропала
Без воли и гласа…
Сколько деток закопала
Ты в земле Донбасса?
Как безумная скотина
На могилах скачешь….
Где твой разум, Украина?
Что же ты не плачешь?..

* * *
Обнажились раны и грехи,
Запылали дьявольские битвы.
О войне не пишутся стихи,
О войне лишь слёзы и молитвы…
Погибает тихая страна
На зубах у чёрного шакала…
Напилась ты крови допьяна,
Продала себя ты, проскакала.
Облака июльские прошли,
Засветилась осень паутиной,
И летят, как прежде, журавли
Над Россией и над Украиной.
Плачут безутешные дожди
На родные свежие могилы…
И весна, что будет впереди,
Неприметно собирает силы.

* * *
Живём на краешке войны,
Сжигаем нервы и сердца,
Живём на краешке страны,
Которой верим до конца.
А где-то рядом страх и боль,
Дома разбитые в огне,
И чья-то тень, земная голь,
Прижалась в ужасе ко мне.
Опять война в который раз
Стоит на краешке Руси.
И я прошу: «Спаси Донбасс!
О Боже мой! Спаси, спаси…».
Живём на краешке войны,
На тонкой грани
тьмы и света.
Накидкой тонкой тишины
Укрыто плачущее лето.
Как беззащитна тишина
Перед чужим, неотвратимым.
И слово тяжкое ВОЙНА
Плывёт над нами
чёрным дымом.

* * *
Сестра моя, сестричка,
Пшеничная косичка,
В глазах твоих застыла
Днепровская вода…
Так как же это стало,
Что быть ты перестала
Такою, как любила,
Любила я всегда?
А помнишь, как, бывало,
Плясала и спивала,
И в хате половицы
Ходили ходуном…
Ну, как же так случилось –
Зачем ты обручилась,
Как в сказке, обручилась
С проклятым колдуном?!
Сестра моя, сестричка,
Кровь русская –
водичка,
Усеяны погосты
Могилами детей…
Как оборотень, воешь,
И их уже не скроешь,
Те страшные порезы
От ведьминых когтей…
Подняться нету мочи,
Закрылись кари очи,
Отравленное зелье
Из лап змеиных пьёшь…
Сестричка Украина!
Душа у нас едина,
И ты, в меня стреляя,
Саму себя убьешь.
У них –
костры да плахи,
Расшитые рубахи,
Кровавые знамена,
Чубов лихой завей…
Они дождались часа,
Не слышен клич Тараса,
Уже сбивают ляхи
Кресты с твоих церквей.
Мы были две сестрички,
Как в паре черевички,
И счастье, и несчастье
Делили наравне…
Раскрыты мрака жерла,
И панночка померла,
А я ещё не верю,
Что это не во сне…

* * *
Возниц в потемках перебранка,
Храпенье чуткого коня,
И от ночного полустанка
Везут убитого меня.

Ну вот, меня нет и в помине,
Под сердцем холод от штыка,
И голова на мешковине,
Неловко согнута рука.

И мне теперь, пока по свету
Везут сквозь ночь, сквозь темноту,
Терпеть и слушать ругань эту,
Дороги тряской маяту.

Небес бездонное зиянье,
Над головой звезды качанье,
Храпенье чуткого коня…
Еще далеко до отчизны.
И, может быть, не хватит жизни
Ничьей, чтоб довезти меня.

* * *
Едет мужик на колхозной телеге,
Думая думу о позднем ночлеге, –
Прямо беда.
Еду и я, непонятно откуда
И неизвестно куда.

И не чахоточный этот румянец,
Поздних лесов
поредевший багрянец,
Скрасит безрадостный путь.
Хлюпает грязь, или чавкает глина,
Так и плетемся, все мимо и мимо,
Боком, трусцой, как-нибудь.

Нам и досталась
в удел эта строгость,
Осени поздней печаль и убогость,
И прозябанье в глуши.
Поздней природы
смиренье и сирость,
Как подаянье,
как вечная милость,
На покаянье души.

Эта неясная мысль мирозданья,
Звезд невысоких скупое мерцанье
Средь бесприютных небес.
Эта покорность
судьбе и страданье,
И ожиданье чудес.

Поздняя осень
снежком посыпает,
Грач над картофельным
полем летает
И никуда не летит,
И на земле, и на небе дорога
Есть лишь одна.
Никакого другого и не бывает пути.

Так и лететь над пустым косогором,
Не опускаясь к промерзшим озерам,
Над придорожным кустом,
Над дорогим
беспредельным простором
Крылья раскинув крестом.

И плакать над горькой осиной
На самом высоком юру.

Над самой последней дорогой,
Прохожим махая крылом,
За них в этой жизни далекой
Уже не просить ни о чем.

ЮНОСТЬ
Юность моя,
ты прошла.
Ты совсем как чужая,
Ты боялась меня,
и недетские слезы глотая,
Виновато глядела

Анатолий ТРЕТЬЯКОВ

Небесный парашютист

ОТЪЕЗД
Деревня стихла для ночлега,
И всё задумчиво молчит,
И гулко старая телега
По тряской гребле простучит.

Густой туман ложится низко,
Темнеет сумрачно река.
Нам до района, в общем, близко,
Час с небольшим до городка.

На этой тряской колеснице,
По этим гатям и мостам.
А завтра поезд до столицы,
И через день я буду там.

Гляжу в поля: ночное небо,
Звезда, что теплится едва…
Здесь все в себе, как будто небыль
И жизнь иная, и Москва.

И мне бы что там, за полсвета,
И что я только там забыл?
Я б хоть сейчас с предсельсоветом
Коня назад поворотил.

Но председатель сельсовета,
Попутчик мой, взмахнет кнутом,
Он – как никто,
он знает это:
Зачем мы едем с ним по свету,
Зачем на свете мы живем …

И вот клубится там, за мною,
Печаль и пыль родных полей,
И остается за спиною
Судьба с судьбой,
звезда с звездою
Печальной юности моей.

* * *
Горит негасимое пламя
Горит, полыхает в лесах,
И вверх золотыми столбами
Летит ослепительный прах.

Летит в беспредельных просторах
Душа – паутинки клочок,
Все счастье –
в далеких озерах
Лазури скупой лоскуток.

Вся радость – над милой отчизной
Гореть на холодном ветру
и следом брела, как попало,
И в каких ты краях, я не знаю, пропала.

Ты маячила где-то потом под Ростовом,
Провожала тайком
и украдкой за мною следила,
И в нелепом пальто
отошла от вокзала ночного,
И наверно любила, наверно любила.

Там где вьюга над полем
снегами свистела,
Там, где стыл я на лютом ветру
под осиной,
Ты высоко меж звезд надо мною летела,
Я ведь знаю,
я слышал твой крик журавлиный.

Юность моя, ты далеко, и как, я не знаю,
Ты прошла.
На земле так пустынно и тихо.
А по небу, меж звезд,
на серебряных крыльях, чужая…
Сколько воли ей там,
сколько там ей простора для крика!

* * *
И я спросил у мяты и шалфея,
С чего теплынь такая на лугах?
И так высоко вверх летят, желтея,
Цветы земные в дымных небесах?

И я спросил у встречных и прохожих:
С чего такая вымахала рожь?
Во всех полях, и скудных и невсхожих,
Во всех полях, где только ни идешь?

И мне ответил хлипкий старичонка,
Махнув рукой и глядя на закат,
Что все за то,
что наших жизней столько,
Уже прошло и вкось, и невпопад.

За все года, голодные и злые,
За то, что ела ржавчина и вша,
За всю убогость, за тела худые,
В которых где и теплилась душа,

За то, что кровью, напитав без меры
Родной земли песок и чернозем,
Мы с ней всегда:
и в благостный, и в смертный,
И в каждый час,
в пристанище любом.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ
Грянет ли гром за холодным окном,
молния в сон ли ворвётся, пугая,
иль зашатает могучий перрон –
эй, братаны! – до гудка ли, до края
скользкой платформы?..
А, может, земли?
– Пропасть как пропасть.
Слабо перепрыгнуть?!
Плачут гармони во весь свой зенит,
мехи до Кушки экватором выгнув.
А там пересылка… Да там первый бой
голосом страшным орёт понарошку!..
Ляжем-поднимемся – нам не впервой
играть в неваляшку и даже в матрёшку.
– Мама!..
– Ты что?
«А тут всё нормалёк,
кормят отлично. Сержанты – что надо»…
Штемпель почтовый, а сам-то сынок
месяц как в клочья разорван снарядом.
Грянет ли гром…
А чевой-т он шумит
рано пред зорями, спать нам мешая?

Виталий МУХИН

От края до края

– Почта торопится, почта спешит
от рая до края… До самого края.

ЖУРАВЛИ
Пустое утро пасмурного дня,
а на дворе ледком уже запахло,
и над равниной низенькой и чахлой
вожак свою колонию поднял.
И – с мягкой кочки прыгнув в небеса,
и – молодняк на случай примечая,
он полетел, поплыл, крылом качая,
и дрогнули у стаи голоса:
«Курлы-курлы…».

А мы бежим, скорей за ней бежим –
нам, босотве ленд-лиза, непонятно,
зачем вожак поворотил обратно,
идёт на нас вдоль высохшей межи.
Идёт на нас. И плачет. Боже мой!
Мы пятимся растерянно к забору,
а караван кольцом взмывает в гору.
«Курлы-курлы» несётся над землёй
сквозь заполошно-рваное «динь-дон»…
– *Динь-дон, динь-дон…*
В каком-то
гибельно-червонном озаренье.
– *Динь-дон, динь-дон, динь-дон, динь-дон!..*
Через войну –
и через мой детдом,
парящий над вселенским разореньем.
От ранних звёзд рабфаковской Москвы.
До рудников и вышек лагспецстроя…
Давно ль они позаросли травою?!
А всё туманней их рубцы и швы,
всё дальше,
выше чёрные следы…
Ах, пахари воздушной борозды!
Ах, журавли! Чего без вас я стою?
Я – человек, покуда в небе вы.
1974

ДЖЕЛАЛАБАДСКАЯ БАЛЛАДА

1.
Ты верни меня, память, назад
в город-зной, в город-сон, в город-сад.
Алыча там цветёт круглый год,
птица-рыба на пальме живёт,
и меж сопок земли и небес
катит волны Дарунтская ГЭС.

2.
А ещё поутру там мулла
говорит всему миру: «Алла!..».
– Аладдин! – это эхо в горах
на зелёных гарцует лугах:
вот он!.. Вот он, джигитам пример –
воин Господа, франт, офицер.

3.
Там за речкой, спадёт только зной,
он ведёт караван с наркотой,
ну а здесь он для всех – шурави,
вместе с нами поёт «Журавли».
И летят журавли, вот летят! –
как вертушки, на алый закат.

4.
Мы летим и поём в темноте
на незримой для мин высоте.
Сердце бьётся
с волненьем в груди:
да неужто война позади
и всем в дембель?! Неужто домой
я вернусь неприлично живой?

5.
И награды, что надо, – горят!
Краше – в гроб, иль в Москву на парад.
Всхлипнет мама и чуть ли не в рёв:
– Ведь писал же, что цел и здоров.
Я ей слёзы тихонько утру:
– Мама-мама… Не стой на ветру.

6.
Ну, конечно, я жив и здоров,
как сто сорок армейских козлов.
Каждый Рембо в стрельбе превзойдёт,
а Джеймс-Бонду и морду набьет.
Не согласна дыра в рукаве?
А плевать – заросла ж в голове.

7.
– Так-так-так… Говоришь, не болит?
– Где болит, пусть майора свербит!
– Ну, тому-то по всё трын-трава,
замполит у него голова.

Голова ты моя, голова,
куда ж делась твоя голова?

8.
Покатилась отважная с плеч
упрежь всех в поминальную речь,
по дороге сыграла в футбол:
прыг-прыг-прыг и скорее на кол
взгромоздилась: «Ура! Исполать!..
Что такое? Ни зги не видать».

9.
Свет включили.
В ногах – гул винтов
и бетонка в коросте бинтов
поперёк горизонта ума,
слева – дурка,
а справа – тюрьма,
а в конце – то ли взрыв, то ли сад…
Что уставился в точку, солдат?

10.
Вот жена, рядом с нею малец –
незаживший на сердце рубец.
И ждала, и любовь берегла,
а потом вдруг…
к другому ушла.
Впрочем, что нам ли о том поминать –
и пустые бутылки считать?

11.
От Кремля до Китайской стены
свет без света, вина без вины
и кровавый в полнеба закат,
и никто не вернётся назад,
если даже вернётся домой, –
только тлеющий мир за спиной.

12.
Только тлеющий мир в темноте
на какой-то мгновенной версте.
Кто в порталах и дырах времён
вспомнит шум наших древних знамён,
свет без света,
страну без страны?.. –
Плач давно отзвеневшей струны.

13.
Плачь, родная! И сбудутся вновь
и страна, и война, и любовь.
Трассерами расшит небосвод,
птица-рыба о счастье поёт…
Там у царских, тяжелых ворот
положили душманы мой взвод.

14.
На последнего мира версте
мы лежим,
как один, в темноте.
Алыча тут цвела круглый год,
а теперь и репей не растёт.
Аладдин, ты же – друг,
ты мне брат,
почему нашей встрече не рад?

15.
Я вернулся –
броня на броне,
раскалённый калаш на ремне,
крокодилы[1] дырявят закат,
осы-стингеры навстречь скользят.
Зазевался – усни в темноте
на незримой для всех высоте.

16.
На незримой для всех высоте
мы летим, словно миф, в пустоте,
окликаем друг друга в бою:
может, свидимся как-то в раю?

Там и нам – всем погибшим подряд! –
светит солнце – наш Джел…
Алла!..
Алла!..
Алла!..
Светит солнце – наш Джел Аллабад!
Май 1988, 1991

**Транспортно-боевые вертолеты МИ-24.*

Роман КРУЧИНИН

Вы идите, я вас догоню...

* * *
Нет, в столице ненадолго,
тесно у Кремля…
обними меня рекой Волгой,
Родина моя!
Ты малому пособила б,
не чужак ведь, свой…
Руку крепкую Сибири
мне пожать позволь!
В небе голубь сизокрылый,
в горле то ли ком…
Покурить бы на Курилах
с местным рыбаком!
Раскатал губу пельменем?
Заняты места?..
Всё равно любовь длиннее
Крымского моста!

* * *
Приласкай, березовая ветка,
бор сосновый, снова помани,
дни такие выпадают редко –
тихие да светлые, мои!..
Не бодаюсь с чёртиком рогатым,
или нечем ни ему, ни мне?..
Стал стройней, как во дворе ребята,
пазуху оставив без камней.
Как за мной тропиночка пылится,
на какой версте меня сморит?..
А сморит – прими же, мать-землица,
светлые да тихие, мои!..
Не собачусь ни с какою псиной
и с листвой осенней не листвюсь… –
просто лучик солнца с выси синей
притянул и намотал на ус.

* * *
Сокрушаться б не шибко –
не в ладах с высотой,
но за первой снежинкой –
первый волос седой…
Можно выдернуть к чёрту,
перекраситься в хну,
рог судьбы моей чёрной
разве я разогну?
Отраженье, не шикай
на года и не ной,
будь в ладах со снежинкой,
будь в ладах с тишиной,
Ни к чему эти нервы,
лучше пальцами – щёлк! –
всего-навсего – первый!..
но ещё и ещё…

* * *
Бурёнки, милые, мычите,
шурши навстречу, милый еж!..
(Спасибо, внутренний мучитель,
что душу отвести даёшь.)
Трава, что гнётся от бессилья,
из глаз моих возьми росы!..
(Спасибо, матушка-Россия,
что я отнюдь не сукин сын.)
С ума схожу сегодня, либо
сердечко в сказочном лесу…
(Спасибо, милая, спасибо,
что на руках тебя несу.)
Что чувство меры, чувство такта,
когда так мрак на свете стих?..
(Спасибо, Господи – редактор,
в журнале жизни этот стих.)

* * *
Тряхнул мешок давнишних чувств,
а-ап…чихнулось,
и вот с микробами лечу
куда-то в юность.
Куда-то в детство, где светло
под дубом пелось…
Жаль, желудей-годков с ведро
забыла зрелость.
Тряхнул мешок давнишних дум,
чихнуть осталось,
но – оп! – однажды упаду
куда-то в старость,
Быть может, да, быть может, нет,
эх, дать бы дёру,
как от меня к дубкам мой свет –
дочь-желудёнок!..

* * *
Какая странная роса –
красна, но это не от крови…
(Глаза закрою – набросать
хоть пару строчек – и открою.)
И где я только ни бывал –
и ворон там полынью болен,
и гор-то нет – и всё ж обвал,
а вот на этом русском поле…
какая тишь, какая гладь!
Ромашка с васильком в обнимку…
(Не дай мне, Боже, удалять
душою сделанные снимки.)
О, из всего любовь лишь есть! –
к заре, росе, родному дому…
…Да был я здесь, всегда был здесь,
я просто видел по-другому.

* * *
Не Россию ль отпевают
бабки-вьюги? – в поле вой…
Где та точка полевая,
что хранит от болевой?
Время-батюшка, не нужно,
время-батюшка, окстись! –
щёки розовы от стужи,
хоть какая – всё же жись…
Средь зимы мираж весенний? –
среди праха праотцов
точкой божий раб Есенин,
точкой божий раб Рубцов…
Им за упокой? до дна ли?
Но:
– За здравие налей!..
Гой ты, Русь, моя родная!
и:
– Горит звезда полей!

* * *
Треклятая трубка сиротства,
колечки пуская страдать…
Дай, Боже, не стадию скотства –
дойти, где стада и стада.
Не отрок, не агнец, не овен,
и если был нимб, то усох…
Но видишь – не кнут наготове –
телёночку хлеба кусок.
Не всё замолю и отмою,
но более зла не копить…
Дай, Боже, не уровня моря –
осанку не ниже копыт.
Не трубка в туманности вдовьей,
не дудочка давит дыха…
да, хлеба кусок наготове,
нет зрелищ для экс-пастуха.
Будь пастырем, мне посодействуй,
колечки грехов отпустив, –
дай, Боже, на корочку детства
крупинки-луга не пусты…

* * *
Обессонил будильник пернатый
не бессовестным "ку-ка-ре-ку"…
– С добрым утром, родные пенаты!
– Утро доброе! – мне – дураку.
Нет, витал в облаках не напрасно –
точен спуск на скопление действ…
Там – за нашею улицей – праздник?
Но отрадно, что солнышко – здесь;
мать-и-мачеха деточек женят,
возле яблони пчёлы кружат…
Голова продолжение шеи?
Но зато – перед шеей – душа.

Я на пугало кепку надену –
пусть форсит, ну а сам – за дела…
Нет в руках моих злата и денег? –
но хватает и сил и тепла.
На заборе пернатое "знамя",
а сосед, чтоб слова разменять:
– Что аж светишься?
– Чёрт меня знает…
– Что темнишь-то?
– Бог знает меня.

* * *
Я душу всегда оставляю открытой.
Вы скажете глупо? – конечно же, глупо,
за это судьба на задворках отлупит,
гремя медным тазом, разбитым корытом.
Но я не могу, не умею иначе,
закрытому –
страх и дышать очень трудно,
как будто находишься около трупа,
который вдобавок подмигивать начал…

* * *
Не шагается в ногу с эпохой,
вы идите, я вас догоню…
Мне не то что в пути стало плохо,
просто гриву ерошу коню.
Пошагаю, коль нужно, а нужно?
Вон из новых набор – миллион…
я не то что не в строй из конюшни,
просто стройной рекой умилён.
Если что, передайте передним:
задний чуть замечтался в селе
и не то что ход времени предал,
просто верен, простите, себе.
Пошагаю, коль дело, а дело:
на колодец ведёт частокол,
но не то что воды захотелось,
просто больше не будет такой.
А ещё – та изба манит щами,
но не щами едиными Русь…
Я не то чтобы эдак прощаюсь,
просто эдак навек остаюсь.